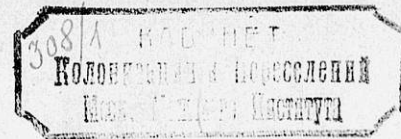

M 79
193

Учб. № 308/1
801-13
1812

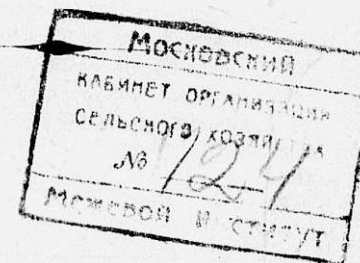
B833k

ВОПРОСЫ КОЛОНИЗАЦИИ.

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ СБОРНИКЪ

подъ редакціей

Г. Ф. Чиркина и Н. А. Гаврилова.

№ 15.

1914 г.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ

С.-Петербургскій книжный магазинъ „Учебное Дѣло“.
СПБ., Петербургская стор., Большой пр., д. 6.

Послѣднія событія въ Приилійскомъ Кульджинскомъ краѣ.

Приилійская часть Кульджинскаго края, входящаго въ составъ Китая и составляющаго одну изъ западныхъ его провинцій, граничащихъ съ Россіей, расположена по верховьямъ рѣки Или, являющейся главной рѣкою нашей Семирѣченской области.

Естественными границами этой части Кульджинскаго края являются: съ сѣвера—Талкинскія горы, съ востока—водораздѣлъ рѣкъ Каша и Кунгеса, являющихся развѣтвленіемъ (или притоками) р. Или, съ юга—хребты Наратъ и Тянь-Шаньскій, съ запада—сначала небольшая рѣчка Хоргосъ, затѣмъ граница идетъ по открытой долинѣ р. Или и по небольшимъ, легко переходимымъ рѣчкамъ, такъ что съ стороны нашихъ владѣній Кульджинскій край совершенно открытъ.

Въ очерченныхъ границахъ заключается до 50.000 квадр. верстъ, т. е. свыше 5.000.000 десятинъ земель, весьма слабо населенныхъ—частью кочевниками, частью полуосѣдлыми и осѣдлыми инородцами.

Этотъ край въ 1871 году былъ занятъ русскими войсками и находился подъ оккупацией Россіи до 1882 г., когда былъ возвращенъ Китаю. Въ настоящее время это Китайская провинція, тяготящаяся, однако, по топографическимъ и экономическимъ условіямъ всецѣло къ Россіи.

По обстоятельствамъ моей службы въ Семирѣчѣ, въ которомъ я завѣдывалъ переселенческимъ дѣломъ, мнѣ пришлось ознакомиться довольно близко съ Кульджинскимъ краемъ.

Въ виду происходящихъ теперь въ этомъ краѣ событий—въ связи съ общимъ политическимъ положеніемъ Китая—собранныя мною свѣдѣнія объ этомъ краѣ, надѣюсь, представить нѣкоторый интересъ.

Кульджинскій край, являясь естественнымъ продолженіемъ русскаго Семирѣчья, расположеннаго по нижнему теченію той-же рѣки Или, въ верховьяхъ которой расположенъ Кульджинскій край, уже и въ настоящее время привлекаетъ къ себѣ усиленное вниманіе русскихъ—какъ простолюди, ищущаго тамъ невѣдомаго земельного приволья, такъ и различныхъ предпринимателей-капиталистовъ, желающихъ извлечь выгоды изъ втуне лежащихъ естественныхъ богатствъ края.

Съ проведеніемъ же начатой постройки Семирѣченской желѣзной дороги, которая приблизитъ къ центру Россіи не только Семирѣчье, но и прилегающій къ нему Кульджинскій край, „тяга“ русскаго народа туда, надо думать, настолько усилится, что не только удержатъ, но и ослабитъ ее едва ли представится возможнымъ.

О современномъ экономическомъ состояніи Кульджинскаго района и о значеніи въ немъ китайской власти и силы у насъ распространены въ обществѣ неточныя свѣдѣнія.

Оставаясь подъ впечатлѣніемъ тѣхъ грозныхъ событий, которыя имѣли мѣсто вскорѣ послѣ возвращенія Кульджи Китаю въ 1882 г., когда занявшія ее, присланныя изъ Пекина, фанатически настроенныя войска нашли нужнымъ смести даже слѣды русской культуры въ краѣ,—принято думать, что на смѣну русской культурѣ тамъ пришла пресловутая китайская и въ широкой мѣрѣ развилось въ краѣ садоводство, хлопководство и другія отрасли сельскаго хозяйства. Распространялись слухи, попадавшіе даже на страницы періодической печати, что за послѣднее время въ Кульджинскомъ краѣ данъ толчекъ къ развитію разныхъ отраслей заводской и фабричной промышленности, что строятся фабрики, приводимыя въ дѣйствіе электрической силой... Говорили о сильной китайской власти въ краѣ, о сформированіи новыхъ гарнизоновъ, обучаемыхъ по европейски, о новой артиллеріи и т. под. Слабое же развитіе нашей торговли съ сосѣдними

китайскими провинціями объяснялось конкуренціей нѣмцевъ и англичанъ и происками самихъ китайцевъ...

Все это я слышалъ, когда собирался въ Кульджу, и даже отъ лицъ, посѣтившихъ ее уже въ нынѣшнемъ году. И въ Вѣрномъ и въ Джаркентѣ мнѣ совѣтовали при поѣздкѣ по Кульджинскому краю соблюдать особую осторожность и осмотрительность, снять форменную одежду и вообще быть на чеку, какъ въ странѣ, непріязненно настроенной къ намъ русскимъ.

Всѣ эти рассказы оказались, однако, несогласными съ дѣйствительностью, а совѣты—неизвѣстно на чемъ основанными. Провѣряя въ данное время вынесенныя изъ поѣздки впечатлѣнія, мнѣ даже не вѣрится, что я былъ въ иностранномъ государствѣ, а не въ кишлакахъ нашихъ Семирѣченскихъ дунганъ и таранчей.

Населеніе Кульджинскаго края представляетъ смѣсь разныхъ племенъ, съ разными обычаями и вѣрованьями, говорящихъ на разныхъ языкахъ. За отсутствіемъ какой либо статистики, трудно опредѣлить его численность, но, видя большія пространства пустующихъ земель съ чудною лессовою почвою и наличностью легкаго орошенія, приходишь къ заключенію, что край мало населенъ и можетъ вмѣстить населеніе во много разъ большее, чѣмъ теперь.

По образу жизни населеніе края дѣлится на кочевое и осѣдлое. Кочевому населенію, по численности, принадлежить первое мѣсто и его составляютъ киргизы и калмыки.

Киргизы кочуютъ по южному склону горъ Боро-хоро отъ Хоргоса до перевала Нилха, по сѣверному склону горъ Мусъ-тага и по верховьямъ р. р. Каша, Кунгеса и Цагмы.

Они ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ семирѣченскихъ киргизъ-кочевниковъ. Они также безпечны и лѣнны, но болѣе честны, мужественны и гостепріимны; считаются мусульманами, но совершенно чужды фанатизма; постъ соблюдаютъ немногіе и водку пьютъ охотно. Главное занятіе ихъ—скотоводство и охота; зѣмледѣіемъ занимаются мало, засѣвая небольшія площадки просомъ и рѣже пшеницею. Обработка почвы и уходъ за полями—самые первобытные.

Кульджинскіе киргизы находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ со своими Семирѣченскими сородичами и являются въ настоящее время крупными поставщиками скота и продуктовъ скотоводства на Каркаринскую ярмарку (въ Джаркентскомъ уѣздѣ, хотя долгое время враждовали съ нашими киргизами, и „баранта“ въ пограничной полосѣ была явленіемъ обыкновеннымъ; но необходимость сбыта продуктовъ своего хозяйства понудила ихъ измѣнить свои привычки, и въ послѣдніе годы они начали появляться на ярмаркахъ въ Семирѣченской области.

Отношеніе къ русскимъ вполне корректное. Члены русской колоніи въ Кульджѣ и офицеры гарнизона, бывавшіе въ ихъ аулахъ, всегда встрѣчали радушный пріемъ и угощеніе традиціоннымъ бараномъ. Китайцы считаютъ киргизъ народомъ безпокойнымъ и ненадежнымъ. Рассказываютъ, что во время мобилизаци семирѣченскихъ войскъ въ 1900 г. китайскія власти запросили киргизъ—къ кому они намѣрены примкнуть въ случаѣ войны. Тѣ откровенно и чистосердечно заявили, что примкнуть къ той сторонѣ, которая окажется сильнѣе, а въ то-же время откочевали въ глубь горъ, опасаясь притѣсненій со стороны китайцевъ.

По приблизительнымъ даннымъ, киргизъ въ Кульджинскомъ краѣ около 20/т. душъ мужского пола.

Калмыки принадлежатъ къ монгольской расѣ. Они дѣлятся на четыре рода: а) чахары, кочующіе въ долинѣ р. Бороталы, б) торгоуты, в) хошоты, кочующіе въ долинахъ обоихъ Юлдузовъ и въ верховьяхъ Кунгеса, и г) олѣты, кочующіе по р. Текесу и по сѣверному склону хребта Боро-хоро отъ перевала Нилха до р. Каша. По Текесу же кочуютъ тѣ 748 юртъ калмыковъ рода цзурганъ-суммы, которые въ 1866 году искали спасенія отъ таранчей въ Вѣрненскомъ и Пржевальскомъ уѣздахъ и въ 1883 г. возвратились въ китайское подданство.

Калмыки безпечны и чрезвычайно миролюбивы; они добродушны и въ высшей степени гостепріимны и честны; вспыльчивы, но незлопамятны и не мстительны; легко поддаются лести; имъ свойственны также любопытство и словоохотливость. На пищу не взыскательны, довольствуясь мо-

лочными продуктами съ просомъ, при случаѣ ѣдятъ мясо, не пренебрегая падалью, но много пьютъ водки, которую готовятъ изъ проса (буза), курятъ табакъ и опиумъ.

Главное занятіе калмыкъ—скотоводство и охота; земледѣліе развито очень слабо—сѣютъ преимущественно просо для собственнаго потребленія. Калмыки, кочующіе по Текесу, занимаются лѣснымъ промысломъ, заготовляя бревна и жерди, которые продаютъ таранчамъ, сплавляющимъ ихъ въ Кульджу и въ предѣлы Семирѣчья, до Илійска.

Калмыковъ въ Кульджинскомъ краѣ считаютъ до 30/т. душъ мужского пола.

По вѣроисповѣданію калмыки—буддисты и только среди рода цзурганъ-суммы встрѣчаются мусульмане.

Изъ перекочевавшихъ на Текесъ въ 1883 г. изъ Семирѣчья еще многіе живы и не забыли русскаго языка, чему способствуетъ ежегодное посѣщеніе Каркаринской ярмарки.

Всѣ кульджинскіе калмыки обязаны службою охранять мѣста своихъ кочевокъ, но по весьма слабому умственному развитію, болѣзнямъ (сифились), миролюбивому характеру и крайней лѣни—воины изъ нихъ не важны.

Среди осѣдлаго населенія края первое мѣсто, по численности, принадлежитъ таранчамъ. Они населяютъ гор. Кульджу и окружающіе его съ сѣвера и съ юга по обѣ стороны р. Или и съ востока до р. Каша поселки.

До передачи Кульджи китайцамъ, таранчи составляли главный элементъ земледѣльческаго населенія края. Въ 1882 году, по официальнымъ нашимъ даннымъ, ихъ насчитывалось свыше 51/т. душъ обоого пола, изъ коихъ 45373 души обоого пола переселилось въ Семирѣчье. На мѣсто выселившихся китайское правительство, чтобы не лишить страну рабочихъ, поспѣшило переселить изъ Кашгара новыхъ земледѣльцевъ, которые, какъ и у насъ, извѣстны подъ названіемъ кашгарлыковъ и кашгарскихъ сартовъ. Нужно полагать, однако, что число переселившихся кашгарлыковъ было невелико, такъ какъ китайскія власти въ Кульджѣ начали поощрять возвращеніе туда таранчей, принявшихъ русское подданство. Самовольное переселеніе нашихъ таранчей на старыя пепелища и въ настоящее время составляетъ

явленіе обыкновенное, но размѣры его составляютъ тайну волостной администраціи, такъ какъ переселяющіеся, продолжая считаться въ русскомъ подданствѣ, охотно платятъ подати и русской и китайской казнѣ. За полученіемъ подати изъ Семирѣчья пріѣзжаютъ специально сборщики.

Въ сел. Средній Пенжимъ, въ долинѣ р. Пиличи, мой спутникъ встрѣтилъ таранчу Корамской волости, служившаго у него въ Вѣрномъ года три работникомъ подъ именемъ Насыра Азнабакиева. Онъ живетъ хорошо, полнымъ хозяиномъ, но именуется уже Ахметомъ, что не помѣшало ему, однако, узнать своего бывшаго хозяина и оказать широкое гостепріимство. По словамъ Ахмета, нашихъ таранчей въ Кульджинскомъ краѣ много, и, пока не попадаютъ въ неблагоприятныхъ поступкахъ, ихъ никто не трогаетъ.

Между кульджинскими таранчами и кашгарлыками и семирѣченскими—нѣтъ никакой разницы. Живущіе по деревнямъ отличаются трудолюбіемъ, терпѣливостью, честностью и гостепріимствомъ. Городскіе—значительно испорчены; они любятъ праздность, всевозможныя увеселенія; пронырливы, хитры и склонны къ ссорамъ. Многіе изъ таранчей сумѣли поддѣлаться къ китайскимъ властямъ и состоятъ переводчиками, писцами и даже мелкими чиновниками. Будучи усердными мусульманами, таранчи и кашгарлыки менѣе фанатичны, чѣмъ туркестанскіе сарты, и ислама не проповѣдуютъ. Посты соблюдаютъ строго, но среди живущихъ въ городахъ въ сильной степени развито куренье табаку, опиума и наши; въ большемъ употребленіи у нихъ и водка.

Деревенскіе таранчи и кашгарлыки занимаются земледѣліемъ, садоводствомъ, огородничествомъ и немного скотоводствомъ, а въ свободное отъ полевыхъ работъ время извозомъ. Городскіе, въ зависимости отъ имущественнаго положенія, занимаются торговлею, ремеслами и промыслами; неспособные же къ сему бѣдняки лѣтомъ работаютъ по найму въ полѣ, а зимою находятъ себѣ пріютъ и заработокъ въ глубокихъ шахтахъ каменноугольныхъ копей.

По старымъ обычаямъ деревни, таранчей слѣдовало бы причислить къ очень нравственному народу, но город-

ская жизнь положила свою руку на эти обычаи, и всё дома разврата въ городахъ кульджинскаго края наполнены исключительно таранчинками и кашгарлычками.

Дунгане составляютъ вторую группу осѣдлаго населенія. Живутъ они почти исключительно въ городахъ Кульдждѣ и Суйдунѣ. По вѣроисповѣдыванію—мусульмане, но не фанатичны, если ихъ религія не преслѣдуется; дочерей своихъ, однако, замужъ за немусульманъ не выдаютъ, а сами охотно женятся на китайкахъ и прижитыхъ отъ нихъ дѣтей воспитываютъ въ исламѣ. По нравственнымъ качествамъ стоятъ выше другихъ народностей—опіума и табаку не курятъ, водки не пьютъ. По характеру—очень храбры, рѣшительны, вспыльчивы и мстительны; чрезвычайно склонны къ ссорамъ и при малѣйшемъ поводѣ хватаются за ножи, которые носятъ при себѣ съ дѣтства. Китайцы называютъ дунганъ „нехорошими и злыми“ и... побаиваются ихъ.

Большая часть дунганъ занимается полеводствомъ, воздѣлывая преимущественно рисъ; они хорошіе также садовники, огородники и славятся какъ мясники и повара; меньшая посвятила себя торговлѣ и извозу.

Общее число дунганъ въ Кульджинскомъ краѣ не превышаетъ 4/т. душъ мужского пола.

Манжуры составляютъ третью группу осѣдлаго населенія. Это потомки арміи завоевателей Китая, родоначальниковъ недавно свергнутой династіи Цинъ. Въ составъ этой арміи входили не только манжурскія племена, но и другія народности, заслужившія вѣрною службою благоволеніе императоровъ. Потомки этой арміи образовали нѣсколько отдѣльныхъ колѣнъ, изъ которыхъ въ Кульджинскомъ краѣ проживаютъ: собственно манжуры, солоны и сибинцы.

Собственно манжуры появились въ краѣ съ арміей дзянь-дзюня Цзина, принявшаго отъ насъ въ 1882 году Кульджу. Ихъ насчитываютъ до 1/т. семей. Всѣ они живутъ въ крѣпости Куре (Новый Суйдунъ, Хой-юань-ченъ) и составляютъ военное сословіе, обязанное службой. Имъ отведены казенныя земли, которыя они обрабатываютъ для собственныхъ надобностей, получая кромѣ того содержаніе—частью зерномъ, частью деньгами—и казенную квартиру.

Солоны, числомъ тоже до 1/т. семей—живутъ въ крѣпости Ссы-чунъ на южномъ склонѣ хребта Боро-хоро и по пикетамъ, протянутымъ линіей отъ р. Хоргоса до гор. Суйдуна. Они тоже обязаны военною службою; часть изъ нихъ получаетъ содержаніе отъ казны, часть же добываетъ себѣ средства къ жизни земледѣліемъ на отведенныхъ имъ казенно поляхъ.

Сибинцы *) также составляютъ военное сословіе, образующее восемь внѣшнихъ полковъ. Они поселены по лѣвому берегу р. Или отъ меридіана г. Кульджи до границы съ Семирѣчемъ, въ 7 крѣпостяхъ или сумунахъ. Въ ближайшей къ границѣ крѣпости—Кожигеръ, поселены два сумуна. Въ каждомъ сумунѣ отъ 400 до 500 семей.

Отбываетъ пограничную воинскую службу только одна тысяча семей, а другія занимаются хлѣбопашествомъ, поденною работою и другими заработками. Сибинцы разводятъ очень много свиней, которыхъ по хорошей цѣнѣ сбываютъ въ Суйдунѣ и Кульдждѣ. Они же производятъ въ большомъ количествѣ водку—„шау-тью“, болѣе извѣстную подъ названіемъ—„джунъ-джунъ“.

По наружности, одеждѣ и обычаямъ сибинцы мало чѣмъ отличаются отъ настоящихъ китайцевъ, но болѣе крѣпкаго тѣлосложенія. По характеру—весьма миролюбивы. При занятіи нами въ 1871 г. Кульджи, сибинцы отнеслись къ этому событію совершенно равнодушно, а въ настоящее время охотно завязываютъ сношенія съ нашими подданными по границѣ. Они очень любятъ танцы, музыку, пѣніе и театры, но къ работѣ относятся апатично; склонны къ пьянству и куренію опіума, почему поселенія ихъ бѣдны и очень неопрятны.

По религіи, всѣ три колѣна манжуръ—буддисты, но религіозность ихъ болѣе формальная, чѣмъ искренняя; богослуженіе отличается большою театральностью.

Наконецъ китайцы составляютъ самый малочисленный, хотя и господствующій, классъ осѣдлаго населенія кульджинскаго края. Они должны быть подраздѣлены на двѣ группы:

*) Сами они называютъ себя—„шиво“.

постоянно живущихъ, происходящихъ отъ предковъ, поселенныхъ здѣсь насильно, и временно прибывающихъ по служебнымъ и другимъ дѣламъ изъ внутреннихъ провинцій Китая.

Первыхъ насчитываютъ до 2/3 семей, которыя живутъ въ гор. Суйдунѣ, Кульджѣ и въ окружающихъ ихъ фанзахъ или хуторахъ. Число вторыхъ непостоянно и всецѣло зависитъ отъ того вниманія, которое оказывается Кульджѣ изъ Пекина.

По общимъ отзывамъ, китайцы отличаются трудолюбіемъ, терпѣливостью и большою любовью къ торговлѣ, но въ то же время они алчны къ наживѣ, вѣроломны, мстительны, безжалостны и невоздержаны, большіе любители опиума, табаку, спиртныхъ напитковъ и азартныхъ игръ. Исключеніе составляютъ пришельцы изъ Тянь-тзиня, принадлежащіе къ сектѣ „цзай-ли“, члены которой не пьютъ вина, не курятъ табаку и опиума, не ѣдятъ свинины и отличаются какъ здоровьемъ, такъ и замѣчательной энергіей. Но число тянь-тзинцевъ пока не велико.

Любимое занятіе китайцевъ, какъ выше сказано торговля, но они занимаются также земледѣліемъ, огородничествомъ, мелкими ремеслами и ломкою каменнаго угля; большинство же временно прибывающихъ—чиновники разныхъ ранговъ и ихъ служащіе, приказчики и солдаты.

Управленіе Кульджинскимъ краемъ очень децентрализовано и разнообразно, а администрація, сравнительно съ рѣдкимъ населеніемъ, черезъ-чуръ многочисленна, что мѣтко характеризуется китайской пословицей „ши—янъ—цзю—му“, что значитъ—у десяти барановъ десять пастуховъ.

Дѣйствительно, разобраться въ существующемъ порядкѣ управленія очень трудно, и чтобы уяснить его себѣ и понять, въ чемъ состояли измѣненія, вызванныя переворотомъ конца 1910 г., необходимо познакомиться съ исторіей его организациі послѣ передачи нами Кульджи китайцамъ.

Во время мусульманскаго возстанія, вызвавшаго оккупацию Россіей Кульджи, Илійскій край, вмѣстѣ съ Тарбагатаемъ, Куръ-карасу и Кашгаріей составляли одно Илійское „намѣстничество“, управленіе которымъ ввѣрено было ман-

журскому генералу, „дзянь-дзюню“, по образцу военного управленія манжурскихъ провинцій на Дальнемъ Востокѣ. Въ 1884 г. Пекинское правительство рѣшило произвести реформу по образцу китайскаго гражданскаго управленія внутреннихъ провинцій Имперіи, вслѣдствіе чего образована была новая провинція—„Синь-дзянь“ съ губернаторомъ во главѣ, резиденціей которому назначенъ г. Урумчи. Въ составъ этой провинціи вошли и земли бывшаго Илійскаго намѣстничества, раздѣленные на два округа (чжеу): Тарбагатайскій и Илійскій. Управленіе каждымъ изъ этихъ округовъ было ввѣрено особымъ окружнымъ начальникамъ (чже-фу), а оба округа подчинены вѣдомству Или-тарбагатайскаго „дао-дая“, зависимаго отъ урумчійскаго губернатора, но обязаннаго жить въ Кульджѣ.

Въ дальнѣйшемъ земли Илійскаго округа, за исключеніемъ принадлежащихъ манжурамъ и кочевникамъ, были раздѣлены на два уѣзда („сянь“): кульджинскій—съ таранчинскими поселками праваго и лѣваго берега р. Или, и суйдунскій, къ которому принадлежатъ города Суйдунъ, Чинг-гаходзи и Лаопоогоу съ ихъ окрестностями. Во главѣ уѣздовъ стоятъ уѣздные начальники („сянь-гуань“), а въ гор. Чилмпанъ-зи, на Хоргосѣ, находится помощникъ окружнаго начальника („тунъ-панъ“), который по рангу выше уѣзднаго начальника.

Всѣ перечисленныя должности замѣщаются китайцами. Каждое должностное лицо имѣетъ свою канцелярію („ямынь“), съ достаточнымъ числомъ секретарей, писцовъ и переводчиковъ.

Перечисленныя власти управляютъ только осѣдлымъ населеніемъ изъ китайцевъ, дунганъ, таранчей и кашгарльковъ. Посредниками между администраціей и населеніемъ являются выборные старосты—„сянь“. Въ городахъ и пригородахъ каждая народность имѣетъ своего старосту; въ поселкахъ же обыкновенно только одинъ староста. Всѣ таранчинскіе старосты праваго берега р. Или подчинены одному старшему, живущему въ гор. Кульджѣ. Лѣвобережные таранчи также имѣютъ старшаго старосту для докладовъ уѣздному начальнику въ тѣхъ случаяхъ, когда переправа черезъ р. Или затруднительна.

У манжуровъ и калмыковъ—чахаровъ и олѣтовъ—военное управленіе весьма похоже на наше войсковое казачье управленіе, такъ какъ въ вѣдѣніи войсковыхъ начальниковъ находятся не только служилые люди но и не служащіе, а равно и отведенныя имъ земли. Основаніемъ управленія служить административная единица „чи“ (знамя) и „самунъ“ (стрѣла). Манжуры дѣлятся на 18 чи, управляемыхъ „ао-линами“, сибинцы на 8, а солоны на 4 сумуна, управляемые „нируйджанчинами“, олеты и чахары раздѣлены также на сумуны, во главѣ которыхъ поставлены „зянге“. Во главѣ каждаго 4 чи у манжуръ стоитъ „галадай“, во главѣ всѣхъ сумуновъ у сибинцевъ и солонъ—„ухериды“, а каждаго 8 сумунами олетовъ и чахаровъ завѣдываютъ „окурдаи“. При каждой изъ этихъ должностей состоятъ еще помощники, но на всѣ должности назначаются лица изъ управляемаго племени.

У киргизъ всѣ должностныя лица выборныя. Все киргизское населеніе дѣлится на 6 волостей, которыми завѣдываютъ волостные управители; волости дѣлятся на старшинства изъ 8—10 ауловъ, управляемые старшинами, а послѣднимъ подчинены пятидесятники и десятники, завѣдывающіе аулами изъ разнаго числа юртъ. Выборы производятся на неопредѣленное число лѣтъ.

Торгоуты и хошоты управляются по особому положенію. Они тоже дѣлятся на сумуны, но нѣсколько сумуновъ каждаго племени образуютъ отрядъ, во главѣ котораго стоитъ наслѣдственный начальникъ, „цзасакъ“, изъ потомковъ монгольскихъ князей или именитыхъ дворянъ, который раньше утверждался въ должности китайскимъ императоромъ.

Такой порядокъ управленія можетъ быть не вызвалъ бы никакихъ осложненій, при той большой личной свободѣ и независимости населенія отъ администраціи, которая положена въ основу китайскаго гражданскаго управленія, если бы при образованіи Сянь-цзяньской провинціи пекинское правительство не упустило изъ виду, вызываемое самою реформою, упраздненіе должности дзянь-дзюня. Но этого сдѣлано не было, и занимавшіе эту должность лица, пользуясь связями своими въ столицѣ, удержали въ своихъ рукахъ главное начальство надъ военными силами въ краѣ и

постепенно подчинили себѣ и гражданское управленіе. Получилось двѣ системы управленія—старая и новая.

Въ цѣляхъ обезпечить свою безопасность, дзянь-дзюнь Цзинъ построилъ новую крѣпость Куре (Новый Суйдунъ, Хой-юань-ченъ), которую избралъ своею резиденціей и въ которой сосредоточены были всѣ высшіе чины его управленія: помощникъ (фу-дунъ), начальникъ канцеляріи, интендантъ, казначей и проч. Для управленія отдѣльными народностями при дзянь-дзюнь состоялъ особый „совѣтъ“ изъ „мейень-анбаній“, которыхъ сперва было четверо, а затѣмъ пять: сибинскій, солонскій, чахарскій, олетскій и киргизскій. Надъ манжурами особаго начальника не было; переселенные въ Куре, они составили, какъ бы, отрядъ тѣлохранителей дзянь-дзюня и были непосредственно ему подчинены. Всѣ чиновники дзянь-дзюнскаго управленія назначались изъ манжуръ, имѣли свои „ямыни“ съ нужнымъ числомъ служащихъ.

Служебныя отношенія между дзянь-дзюнемъ, съ одной стороны, дао-таемъ и урумчійскимъ синъ-фу, съ другой, не могли, конечно, вылиться въ опредѣленную форму и породили разногласіе, пререканія и взаимную борьбу. Считаюсь выше по положенію синъ-фу и пользуясь правомъ непосредственныхъ сношеній съ Пекиномъ, дзянь-дзюны дошли до того, что отрѣшали отъ должностей окружныхъ и уѣздныхъ начальниковъ, совершенно имъ неподвѣдомственныхъ, и замѣщали ихъ своими приближенными изъ манжуръ. Дѣлалось это не безъ цѣли. При сильно развитыхъ среди китайскихъ чиновниковъ взяточничествѣ и незаконныхъ поборахъ, должности эти очень доходны. Говорятъ, что нѣкоторые уѣздные начальники ухитрялись наживать до 100/т. руб. въ годъ, хотя и должны были дѣлиться съ высшимъ начальствомъ.

Тайная борьба между дзянь-дзюнскимъ и урумчійскимъ управленіемъ разразилась въ концѣ 1910 г. кровавой расправой—дзянь-дзюнь былъ убитъ. Сдѣлавшаяся вакантной должность эта новымъ лицомъ изъ Пекина не была замѣщена, но также не послѣдовало упраздненія и всѣхъ тѣхъ учреждений, которыя состояли при дзянь-дзюнь. Главный уже виновникъ переворота, такъ называемый нынѣ, „ду-ду“, ставъ во главѣ военныхъ сословій, добивается полной самостоятель-

ности и, маскируя свое стремление къ диктаторству увѣреніями въ приверженности новому правительству Ю-ань-шикая, не желаетъ въ то же время подчиниться урумчійскому синьфу. Послѣдній реагируетъ на это отказомъ въ присылкѣ выдававшихся раньше, въ размѣрѣ до 1½ миллионѣвъ рублей въ годъ, пособій на содержаніе войскъ и администраціи. „Ду-ду“ оказался безъ самого рычага для осуществленія своихъ эгоистическихъ замысловъ: у него нѣтъ денегъ для уплаты жалованья войскамъ.

Поставленное въ крайность, новое илийское правительство выпустило свои, ничѣмъ необезпеченные, банкноты, такъ называемые „тезы“, но цѣнность этихъ размѣнныхъ знаковъ начинаетъ быстро падать. Въ Ноябрь 1911 г. русскій рубль на тезы стоилъ 1 руб. 55 коп.; въ январѣ 1912 г.—2 руб.; въ декабрѣ—4 руб. 29 коп.; въ іюлѣ 1913 г.—5 руб. 20 коп., а въ октябрѣ мѣсяцѣ уже 7 руб. 50 коп.

Обезцѣненіе тезъ въ сильной степени отразилось на экономической жизни населенія. Всѣ товары неимоვნю вздорожали. Реализація тезъ для торговцевъ сдѣлалась невыгодной и особенно затруднительной для выполнения обязательствъ въ Россіи тѣмъ изъ нихъ, которые съ населеніемъ кульджинскаго края торгуютъ въ кредитъ на китайскую валюту. Торговцы скотомъ, не желая нести убытки на обмѣнѣ китайскихъ банкнотъ на русскія деньги, потребовали расчета по долгамъ натурою, а это, въ свою очередь, неблагоприятно отозвалось на интересахъ скотоводовъ.

На интересахъ земледѣльческаго населенія неблагоприятно отзывается устраиваемое на базарахъ торговцами ежедневное колебаніе курса тезъ. Обыкновенно онѣ бываютъ дороже утромъ, когда сельское населеніе привозитъ на базаръ продукты своего хозяйства и падаютъ въ цѣнѣ послѣ полудня, когда оно должно закупать привозные товары.

Считая во всемъ этомъ виноватымъ правительство, населеніе прекратило взносы податей и проявляетъ признаки неповиновенія. Торгауты и хошоты, повидимому, совершенно вышли изъ власти илийскаго правительства; въ нынѣшнемъ году въ Кульджѣ ихъ никто не видѣлъ и, какъ предпола-

гаютъ, они отправились вмѣстѣ съ монголами грабить караваны, идущіе изъ внутренняго Китая. Олеты, обязанные привозить подарки дзянь-дзюню, послѣ убійства послѣдняго сочли своевременнымъ отказаться отъ дальнѣйшаго исполненія этого обычая. Киргизы же откочевали въ глубь горъ.

Наконецъ, дунгане, давно уже чувствовавшіе себя господами положенія въ Илійскомъ краѣ, лѣтомъ этого года рѣшительно заявили претензію на подчиненіе себѣ Урумчійскихъ властей. Синь-цзянскія центральныя власти, находящіяся въ Урумчи, отвѣтили отказомъ и въ свою очередь продолжали, какъ и раньше, претендовать на верховенство во всемъ прежнемъ Синь-Цзянѣ. Раздоры долго волновали массы, и слухи о нихъ дошли наконецъ до Пекина. Оттуда дали не то приказаніе, не то совѣтъ хубейцамъ не только не настаивать на своихъ бывшихъ привилегіяхъ, но даже понемногу выѣзжать подобру, поздорову въ застѣнные провинціи. Большинство хубейцевъ,—кстати сказать,—сочувствующихъ видимо южанамъ, т. е. противникамъ Юаньшикая,—продолжали однако свои попытки утвердиться въ Или, и глухая борьба между ними и дунганями, считающимися сторонниками „обновленнаго строя“, а попросту—симпатизирующими царящему въ Или безправію,—не прекращалась до послѣднихъ дней.

Наконецъ дунгане рѣшили ускорить споръ и рѣшить его въ свою пользу. Предводимые какимъ то головорѣзомъ, они напали внезапно въ Суйдунѣ на хубейцевъ, убили двухъ болѣе видныхъ изъ нихъ, захватили въ свои руки склады оружія и взяли окончательно власть въ свои руки. Когда же выяснилось, что въ дунганскомъ конномъ полку два эскадронныхъ командира оказались сторонниками южанъ,—толпа убила и ихъ.

Въ Кульджѣ сперва было заволновались, узнавъ объ этихъ сценахъ насилія; по городу стали даже разѣзжать наши казачьи дозоры. Но присутствіе ли русскихъ сотенъ, или быстрое исчезновеніе хубейцевъ изъ виду толпы,—что то, словомъ, скоро разсѣяло страхи и въ Кульджѣ все успокоилось.

Тѣмъ не менѣе съ недавнихъ поръ въ Кульджѣ полегоньку стали проявляться признаки враждебности уже къ намъ, русскимъ. Наружно Кульджинскіе заправилы не только корректны, но даже подобострастны, разъ дѣло идетъ о русскомъ престижѣ, но гдѣ-то за кулисами начинаетъ разгораться что то дерзкое. Такъ, вопреки справедливымъ требованіямъ Семирѣченской областной администраціи по пересмотру вопроса объ островахъ близъ Хоргоса,—Илійскія власти проявили довольно неожиданное противодѣйствіе, которое, конечно, будетъ такъ или иначе сломлено. Далѣе, тѣ же власти воспротивились провозу въ глубь своей страны русскихъ чаевъ компаніи Вогау, вопреки возобновленнаго договора 1881 года...

Такое положеніе, въ сущности равносильное анархіи, привело къ открытому возстанію и междоусобию, которое 14 октября 1913 г., вскорѣ послѣ избранія президентомъ Юаньшикая, произошло въ Новомъ Суйдунѣ и кончилось поголовнымъ убійствомъ всѣхъ противниковъ Урумчійской власти, въ томъ числѣ до семидесяти человѣкъ чиновниковъ и солдатъ и въ ихъ числѣ начальникъ штаба Кульджинскаго округа, Суйдунскій губернаторъ, Чимнадзинскій уѣздный начальникъ и много другихъ.

Спаслись лишь тѣ чиновники, которые успѣли бѣжать въ Россію, но такихъ счастливыхъ оказалось мало.

Побѣдители о своихъ подвигахъ 14-го же октября послали по телеграфу подробныя донесенія въ Пекинъ и Урумчи, просили денегъ на „расходы“ и назначенія новыхъ чиновниковъ.

Во время сраженія въ Новомъ Суйдунѣ и Чимпандзахъ городскія ворота были заперты и ни туда, ни оттуда до конца побоища никого не выпускали и не выпускали.

Русскіе подданные остались невредимы.

Очевидцы рассказываютъ, что группы чиновниковъ обезглавливались и выбрасывались на улицы на растерзаніе собакамъ, а головы прибывались къ городскимъ воротамъ.

Имущество убитыхъ разграблено убійцами.

Въ городахъ паника еще не улеглась.

Что касается экономическаго состоянія края, то оно также очень неблестяще. Правое побережье отъ р. Хоргоса до меридіана деревушки Баяндай, находящейся въ шести верстахъ къ западу отъ г. Кульджи, поражаетъ своею пустыньностью, а во время оккупации Кульджи русскими оно было почти сплошь покрыто полями. Разбросанные на этомъ пространствѣ города—крѣпости Чиманъ-зи, Чин-га-ходзи, Суйдунъ, Куре и др. и возникшіе въ недавнее время пикеты солоновъ, кажутся оазисами, такъ какъ обработанныя поля тѣснымъ кругомъ расположены только около нихъ. Въ верхней части долины, ближе къ горамъ, оазисы эти отдѣлены другъ отъ друга богатыми по качеству почвы, но заброшенными пашнями, на которыхъ то тамъ, то здѣсь виднѣются многочисленныя развалины строеній, свидѣтельствующія, что жизнь здѣсь когда то кипѣла. Въ Южной части долины, ближе къ р. Или, между такими же оазисами, протянулись богатѣйшіе сѣнокосы, обиліе сухой травы на которыхъ и торфянистая почва указываютъ, что они давно не эксплуатировались. По нижней дорогѣ отъ Чимпандъ-зи до Суйдуна, на протяженіи 40 верстъ, почти сплошные сѣнокосы, среди которыхъ только у рѣчекъ Санъ-да-ходзи и Тарджи попадаются небольшіе участки, занятые посѣвами хлѣбовъ и мака. Всѣ эти сѣнокосы, площадью свыше 100.000 десятинъ, сданы правительствомъ „ду-ду“ въ аренду кашгарскому сарту Мусабаеву за 2 тыс. тезъ въ годъ. Мусабаевъ предполагалъ было правильно эксплуатировать эти участки и выписалъ изъ Вѣрненскаго казеннаго склада конныя сѣнокосилки и грабли, но, по неумѣнію рабочихъ обращаться съ ними, косилки поломаны и валяются какъ ненужный хламъ; сѣнокосы же обращены въ зимнія пастбища, нужныя Мусабаеву для его стадъ, скупаемыхъ у мѣстныхъ кочевниковъ для сбыта въ Россію и для потребностей устроеннаго имъ кожевеннаго завода около гор. Кульджи.

Первое знакомство съ Китайскимъ земледѣліемъ и китайскими чиновниками даетъ пограничный пропускной пунктъ на лѣвомъ берегу р. Хоргоса. Это сторожевой пикетъ, состоящій изъ небольшого двора, обнесеннаго со всѣхъ сторонъ толстыми глинобитными стѣнами, высотой въ 3 саж.

Верхушки стѣнъ довольно красиво украшены зубчатыми фесто́нами. Внутри двора у стѣнъ расположены канцелярія и жилыя постройки для начальника пикета и его переводчика. Прислуга и солдаты отряда, 20 солоньевъ, живутъ въ отдѣльной казармѣ черезъ дорогу отъ пикета. Пикетъ и всѣ постройки около него окружены рощицей изъ тополей, карагача, джигды, урюка и кустарниковъ. Кругомъ рощи тѣснымъ кругомъ—огороды и посѣвы хлѣбовъ. Для наблюденія за окрестностями внутри двора устроена глинобитная же лѣстница, ведущая на верхъ стѣны, гдѣ между фесто́нами свободно можетъ прогуливаться часовая.

По такому же типу построены и крѣпости. Занятое подъ крѣпость пространство обнесено толстой стѣною (до 5 аршинъ), сложенною изъ сырцеваго кирпича или глинобитной, но въ крѣпостяхъ по угламъ и надъ воротами построены еще башни, а за стѣнами, но вблизи ихъ, особыя палатки-шатры съ причудливо загнутыми вверхъ крышами. Около стѣнъ крѣпостей—лавки и жилища торговцевъ и неслужилыхъ людей.

Подѣзжая въ 11-ть часовъ утра къ пропускному пункту, мы увидѣли начальника его изъ манжуръ за самымъ мирнымъ занятіемъ. Съ кетменемъ въ рукахъ, но въ форменной, конусомъ, соломенной шляпѣ, онъ поливалъ расположенные около пикета посѣвы мака... Завидя подѣзжающій экипажъ, онъ поспѣшилъ въ пикетъ, черезъ дворъ котораго проходитъ дорога, и, сбросивъ рубаху, торжественно занялъ мѣсто за небольшимъ столикомъ въ канцеляріи, чтобы записать наши паспорта.

Никакого осмотра вещей не производилось; насъ не спросили даже—куда и зачѣмъ мы ѣдемъ и что съ собою веземъ. „Пропускъ“ состоялъ въ одномъ визированіи паспорта и приложеніи къ нему печати, за что полагается пошлина въ 20 коп. на русскія деньги.

Внесенный въ пошлину рубль, вмѣсто двугривеннаго, предложенная папироска и небольшое „на чай“ переводчику немедленно установили дружескія отношенія и развязали языкъ сумрачному манжуру. Онъ охотно познакомилъ меня со своими полями и огородомъ, показалъ даже казармы, гдѣ

ни одного солдата не оказалось, такъ какъ всѣ они были на работѣ на маковыхъ поляхъ, и съ удовольствіемъ согласился на сфотографированье какъ его самого, такъ и внутренности сторожевого пикета.

Чиновникъ этотъ, какъ выяснилось, никакого довольствія отъ казны ни себѣ лично, ни на содержаніе солдатъ не получаетъ, кромѣ права пользоваться для полеводства окружающими пикетъ землями. Взимаемою съ паспортовъ платою должны покрываться всѣ расходы по содержанію пикета, и часть ихъ представляется помощнику окружнаго начальника въ Чимпанъ-зи.

Съ уплатою паспортной пошлины дверь въ Китай открыта. За все время путешествія по кульджинскому краю никто паспорта у меня не спрашивалъ, хотя форменная одежда и указывала, что я чужестранецъ. Серебрянныя русскія монеты вездѣ служили „пропускомъ“; на гангульскихъ каменноугольныхъ копяхъ онѣ открыли для меня даже двери сельской кумирни, охраняемой очень строгимъ отшельникомъ ламой. Получивъ лепту для своихъ боговъ, онъ отвернулся, чтобы не видѣть ихъ оскорбленія направленнымъ фотографическимъ аппаратомъ.

Полевое хозяйство пропускного пункта состояло: изъ небольшого, до 1½ десятинъ, люцерноваго поля, такого же участка, засѣяннаго пшеницей, небольшихъ клочковъ земли, занятыхъ посѣвами кукурузы, бобовъ сои, гороха, маша и значительнаго участка до 3-хъ десятинъ, засѣяннаго макомъ. Въ огородѣ найдены: помидоры, баклажаны, морковь, картофель, рѣдька, китайская капуста („пе-цхай“), особый видъ шпината („тью-цхай“); нѣчто въ родѣ чеснока („янг-суи“ и „тью-тей-цзы“), перецъ и снова... макъ.

Такую же картину представляли всѣ китайскіе огороды и поля, которые мнѣ удалось осмотрѣть около Суйдуна, на хуторахъ Санъ-да-ходжи и Тарджи и въ долину р. Пиличи.

Вездѣ на первомъ планѣ посѣвы мака; долина же Пиличи почти сплошь покрыта ими.

Посѣвовъ зерновыхъ хлѣбовъ—пшеницы, ячменя, овса, кукурузы, на которую большой спросъ, занимаются таранчи и сибинцы. Это главные поставщики зерна и муки на мѣстные

базары, но около поселковъ тѣхъ и другихъ не вся земля использована; необработанныя площади измѣряются десятками тысячъ десятинъ.

Культуры хлопка на правомъ берегу р. Или—нѣтъ, на лѣвомъ же у сибинцевъ онъ разводится, но только для собственного потребления.

Небольшія запашки въ западной части края объясняются тѣмъ, что здѣсь живетъ исключительно военное сословіе, для котораго полеводство не составляетъ промысла. Размѣръ своихъ запашекъ оно ограничиваетъ размѣрами собственныхъ потребностей, опасаясь сильно увеличивать ихъ въ виду того, что будучи свободнымъ отъ платежа поземельной подати по закону, фактически оно вноситъ такую, натурою, своимъ начальникамъ.

Поземельная подать, по закону, должна взыскиваться только съ неслужилого класса населенія—китайцевъ, дунганъ, таранчей и киргизъ. Она имѣетъ характеръ подоходнаго сбора и взыскивается у первыхъ трехъ народностей натурою, а у киргизъ деньгами, въ общей суммѣ 20 т. рублей со всѣхъ шести волостей. Натурою подать взыскивается по количеству зарегистрированной поливной земли, смотря по качеству ея, 7, 5 и 3 гарнца съ одного „му“, равняющагося 132 квадратнымъ саженьямъ. Но такъ какъ сборы въ дѣйствительности бывали вдвое больше, то таранчи начали практиковать богарные посѣвы, хотя расположеніе ихъ на южныхъ, обращенныхъ къ солнцу склонахъ не всегда гарантируетъ урожай.

Прибѣгнуть къ богарнымъ посѣвамъ понудило еще и то обстоятельство, что выведенный изъ рѣки Каша, въ двухъ верстахъ выше деревни Ушанъ, знаменитый въ прежнія времена арыкъ „Ктай-устанъ“, длиною свыше 60 верстъ, по которому, какъ гласитъ преданье, дзянь-дзюни на лодкахъ катались отъ Кульджи до Старога Суйдуна, пересталъ дѣйствовать, вслѣдствіе порчи головы. Нынѣшнія власти тщетно нѣсколько разъ сгоняли таранчей исправить голову канала; предложеніе же нѣкоторыхъ торговцевъ, съ русскимъ купцомъ Чиковымъ во главѣ, исправить каналъ наемными рабочими было отвергнуто за отсутствіемъ денегъ.

Порча арыка „Ктай-устанъ“ и небольшіе запасы воды въ горныхъ рѣчкахъ, берушихъ свое начало на южныхъ склонахъ хребта Боро-хоро, имѣли своимъ послѣдствіемъ также сокращеніе посѣвовъ риса болѣе чѣмъ въ десять разъ противъ прежняго.

Вообще полеводство въ Кульджинскомъ краѣ находится въ настоящее время не въ цвѣтущемъ состояніи. Система веденія—тоже первобытная. Если же при всемъ этомъ наблюдаются годами значительные избытки урожая, то объясняется это чудными почвенными и климатическими условіями и обиліемъ воды для орошенія.

Нужно замѣтить еще, что сами кульджинскіе земледѣльцы не бываютъ счастливы отъ хорошаго урожая, такъ какъ въ такихъ случаяхъ они должны больше удѣлять изъ него, на законномъ и незаконномъ основаніяхъ, на пополненіе казенныхъ запасныхъ магазиновъ. Сбыта же за предѣлы края—почти никакого, такъ какъ сообщеніе его съ внутренними провинціями очень затруднительно вслѣдствіе отдѣляющихъ отъ нихъ высокихъ горныхъ хребтовъ, а въ послѣдній годъ и опасности этого пути, безнаказанно захваченнаго въ свои руки монгольскими разбойничьими шайками. Единственное мѣсто вывоза—нашъ Джаркентскій уѣздъ, но здѣсь и своего хлѣба достаточно,—поэтому неудивительно, что кульджинскіе земледѣльцы очень были рады, когда въ Джаркентѣ сосредоточены были наши войска и ощущался недостатокъ хлѣба: во многихъ деревняхъ около г. Кульджи приходилось слышать наивные вопросы—„скоро ли придутъ русскіе войска“.

Наблюдаемое за послѣднее время расширеніе посѣвовъ мака нельзя объяснять исключительно пристрастіемъ большинства населенія къ куренію опиума. Есть и другая причина, чисто экономическая,—только культура мака въ настоящее время вполне оплачивается въ Кульджинскомъ краѣ тяжелый трудъ земледѣльца,—поэтому его сѣютъ не только китайцы, но таранчи, сибинцы и даже дунгане. По приблизительному подсчету, одна десятина даетъ чистаго дохода отъ 100 до 200 руб. на русскія деньги.

Разсказы о кульджинскомъ садоводствѣ очень преувеличены. Имѣются въ наличности всѣ условія для широкаго

его процвѣтанія, но въ настоящее время садоводства, въ строгомъ значеніи этого слова, тамъ нѣтъ.

Только въ Кульджѣ можно встрѣтить, и то въ очень ограниченномъ числѣ, небольшіе садики, въ которыхъ растутъ яблони, груши, вишни, виноградъ.

Здѣсь имѣется, правда, одинъ садъ, площадью до трехъ десятинъ, принадлежащій богатому сарту, въ которомъ начинается разводиться клубника, смородина, малина; саженцы плодовыхъ деревьевъ приобрѣтены въ Джаркентѣ, а частью выписаны изъ Вѣрнаго. Купецъ Мусабаевъ намѣревается развести большой садъ около своего кожевеннаго завода. Но все это исключенія. Во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ края сады состоятъ преимущественно изъ посадокъ подѣлочныхъ породъ—тополя и карагача, который разрастается здѣсь до гигантскихъ размѣровъ; изъ плодовыхъ деревьевъ—вездѣ урюкъ и небольшое число кустовъ винограда. Яблонь очень мало и плоды ихъ дурного качества; груши же составляютъ рѣдкость. Промышленнаго значенія кульджинское садоводство не имѣетъ; оно удовлетворяетъ свойственную всѣмъ азіатцамъ собственную потребность въ фруктахъ. Сушка урюка практикуется довольно широко, но получаемый продуктъ невысокаго качества.

Большое значеніе имѣетъ въ краѣ огородничество, продукты котораго заполняютъ всѣ базары. Но я не ошибусь, если скажу, что число продавцовъ превышаетъ число покупателей, почему экономическое его значеніе въ бюджетѣ производителей—ничтожно.

Вообще же кульджинское огородничество представляетъ большой интересъ. Тамъ встрѣчаются сорта овощей, совершенно неизвѣстные русскимъ огородникамъ. Уходъ за огородами—образцовый.

Различныхъ ремесленниковъ очень много. Во всѣхъ городахъ и, въ особенности, въ гор. Кульджѣ цѣлыя улицы заняты мастерскими; въ одной цѣлый рядъ кузницъ; въ другой слесарни; въ третьей портные и т. д., но все это мелкіе кустари, еле-еле зарабатывающіе себѣ средства къ жизни.

Распространившіеся у насъ слухи о сдѣланныхъ въ Кульджинскомъ краѣ шагахъ къ развитію заводской и фа-

бричной промышленности основаны на томъ, что проживающій въ гор. Кульджѣ кашгарскій сартъ, крупный торговецъ Мусабаевъ, ведущій большія торговые дѣла съ Нижнимъ-Новгородомъ и Москвою, по совѣту нижегородскихъ купцовъ построилъ кожевенный заводъ, который при содѣйствіи и посредничествѣ московскихъ же фирмъ оборудованъ послѣдняго образца заграничными машинами и приводится въ дѣйствіе электричествомъ.

Заводъ этотъ обошелся Мусабаеву въ 300 т. руб., но расчеты на большіе барыши пока не оправдались. Между хозяиномъ и нанятымъ имъ въ Нижнемъ-Новгородѣ техникумъ-нѣмцемъ на денежной почвѣ произошли разногласія, повлекшія за собой отказъ нѣмца работать, и заводъ сталъ. Приглашенный за механика русскій кузнецъ изъ Джаркента, правда, помогъ пустить заводъ въ дѣйствіе, но работа идетъ неудовлетворительно, отчасти вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ дѣломъ самого механика, отчасти по неудовлетворительности туземныхъ рабочихъ.

Посѣтивъ этотъ заводъ и ознакомившись съ его устройствомъ, я былъ пораженъ, что такое грандіозное сооруженіе оказалось возможнымъ въ Кульджѣ, куда всѣ громоздкія машины и другія приспособленія доставлялись черезъ наше Семирѣчье и не по трактовой дорогѣ, а черезъ трудный перевалъ Югенъ-ташъ, но увидѣвъ въ складахъ завода тысячи попорченныхъ кожъ и присмотрѣвшись къ отношенію къ работѣ кашгарлыковъ и таранчей, я пришелъ къ твердому убѣжденію, что, если дѣло пойдетъ такъ дальше, то заводъ Мусабаева постигнетъ та-же участь, которая выпала на долю выписанныхъ имъ сѣнокосилокъ, лежащихъ, какъ указывалось выше, безъ употребленія вслѣдствіе порчи и неумѣнія обращаться съ ними.

Въ настоящее время въ Кульджинскомъ краѣ нарождается и другое интересное предпріятіе во главѣ съ нашимъ извѣстнымъ волжскимъ пароходовладѣльцемъ Д. В. Сироткинымъ, недавно организовавшимъ товарищество для устройства путей сообщенія въ Семирѣченской области и въ сосѣдней съ русской границей Кульджинской провинціи, при чемъ этимъ Товариществомъ ведутся и переговоры о по-

стройкѣ желѣзной дороги въ Кульджинскомъ краѣ, и на случай удовлетворительнаго разрѣшенія этого вопроса Т-во уже вошло въ соглашеніе о финансированіи съ крупными русскими и заграничными банками. Кромѣ того, Сироткинъ предполагаетъ учредить судоходство по рѣкѣ Или отъ Кульджи до впаденія рѣки въ озеро Балхашъ, на протяженіи 1,200 верстѣ.

На предложеніе сдать всѣ горныя богатства Илійскаго края для разработки Сироткину мѣстное китайское правительство согласилось на такихъ условіяхъ:

1) Всѣ горныя богатства Илійскаго края сдаются Китаемъ для разработки Сироткину, срокомъ на сорокъ лѣтъ.

2) Сироткинъ, по заключеніи съ китайскимъ правительствомъ договора, долженъ выдать Китаю для нуждъ Илійскаго края заемъ на сорокъ лѣтъ въ суммѣ двухъ милліоновъ рублей за 5% годовыхъ.

3) Участія капиталами въ разработкѣ горныхъ богатствъ ни китайское правительство, ни китайскіе подданные не принимаютъ.

4) Изъ доходовъ предпріятія (чистой прибыли) 12¹/₄% поступаютъ въ пользу китайскаго правительства, а остальные 87³/₄% Сироткину и К-о.

5) Въ убыткахъ предпріятія китайское правительство своими средствами не участвуетъ.

6) Ископаемыя богатства Сироткинъ и К-о получаютъ право вывозить въ Россію по рѣкѣ Или и по другимъ путямъ сообщенія Китая.

Въ основаніе этого выдающагося во всѣхъ отношеніяхъ предпріятія имѣется въ виду положить слѣдующій договоръ: „Тысяча девятьсотъ

года,

, мы, ниже-

подписавшіеся: Русскій подданный, Потомственный дворянинъ Гавріилъ Гавриловичъ Шапошниковъ, дѣйствующій отъ имени Нижегородскаго первой гильдіи купца Дмитрія Васильевича Сироткина на основаніи довѣренности, надлежаще засвидѣтельствованной нотаріальнымъ порядкомъ, и Русскій подданный Потомственный почетный гражданинъ Валіахунъ Юлдашевъ съ одной стороны и съ другой стороны—Главный Начальникъ Илійскаго края Дугу-Гуанъ-фу, надлежаще уполномоченный Центральнымъ Китайскимъ Правительствомъ въ Пекинѣ, заключили между собою настоящий договоръ на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: 1) настоящий договоръ въ полномъ объемѣ и содержа-

ніи распространяется на всю китайскую провинцію Синьцзянъ, если будетъ подписанъ Начальникомъ Синьцзянской провинціи. 2) Китайское Правительство Илійскаго края, всемѣрно заботясь о развитіи промышленности края для поднятія благосостоянія китайскихъ подданныхъ на благо Государства предоставляетъ договаривающейся сторонѣ право въ теченіе пяти лѣтъ со дня подписанія настоящаго договора производить розыски и развѣдки по всему краю мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ и лѣсовъ, оказываетъ содѣйствіе въ семъ дѣлѣ указаніемъ мѣсторожденій ему уже извѣстныхъ, предоставленіемъ права свободнаго передвиженія по краю изыскателямъ, защитой ихъ жизни и имущества. Договаривающаяся сторона въ теченіе выше указаннаго срока обязуется точно опредѣлить мѣстоположеніе и границы участковъ, на коихъ будутъ производиться добыча и разработка полезныхъ ископаемыхъ и лѣса: къ полезнымъ ископаемымъ относятся: каменный уголь, нефть съ ея производными, золото, серебро, руды всякихъ металловъ и металлоидовъ, всякаго рода камни и всѣ встрѣчающіеся въ природѣ вещества, имѣющія цѣнность, кромѣ соли. 3) Въ мѣстахъ, опредѣленныхъ согласно пункта второго, договаривающейся сторонѣ предоставляется право немедленно по изслѣдованіи качества мѣсторожденія приступить къ добычѣ и разработкѣ ископаемыхъ и лѣса, для какой цѣли безпрепятственно возводятся жилия постройки, заводы всякаго рода техническія приспособленія, необходимыя для дѣла, равно какъ предоставляется свободное пользованіе водою, лѣсомъ и камнемъ, въ размѣрахъ и формахъ, необходимыхъ для оборудованія каждаго предпріятія. 4) Сироткинъ, въ случаѣ опредѣлившейся невыгодности какого либо или всѣхъ предпріятій имѣетъ право ликвидировать ихъ въ принятомъ на то порядкѣ, при чемъ изъ остатка отъ ликвидаціи десятая часть выдается Правительству Илійскаго края. 5) Мѣста, опредѣленные въ пунктѣ второмъ и третьемъ, предоставляются договаривающейся сторонѣ на правахъ аренднаго пользованія срокомъ на тридцать лѣтъ со дня подписанія настоящаго договора, при чемъ Правительство Илійскаго края не несетъ никакихъ расходовъ и не отвѣчаетъ ни за какіе убытки, могущіе произойти отъ невыгоднаго веденія дѣла. 6) Все недвижимое и движимое имущество, коимъ будетъ владѣть въ предпріятіяхъ договаривающаяся сторона, составляетъ неотъемлемую ея собственность съ правомъ залога онаго другимъ лицамъ. Всѣ иски, истекающіе изъ права аренднаго пользованія, владѣнія и эксплуатаціи означенныхъ предпріятій, вчиняются на основаніи существующихъ трактатовъ между Русскимъ и Китайскимъ Правительствами, на общихъ основаніяхъ. 7) Правительство Илійскаго края разрѣшаетъ для вывоза и ввоза товаровъ, всякаго рода продуктовъ промышленности и перевозки пассажировъ безпрепятственное плаваніе парсхмодовъ Сироткина и Юлдашева по рѣкѣ Или и ея притокамъ, равно какъ постройку судовъ и плотовъ, сплавъ лѣса, отводитъ подъ склады, пристани и заводы удобныя мѣста и разрѣшаетъ устройство рельсовыхъ путей. 8) Правительство Илійскаго края въ вознагражденіе за предоставляемые настоящимъ договоромъ права участвуетъ на товарищескихъ началахъ въ предпріятіяхъ Сироткина и Юлдашева въ Илійскомъ краѣ, получая въ полное свое распоряженіе двѣнадцать процентовъ отъ чистой прибыли, исчисляемой вычетомъ

изъ валового дохода всѣхъ расходовъ по предпріятію и на амортизацію машинъ и инвентаря, либо получая натурой четыре процента отъ добытаго количества золота, серебра, по одной четверти рубля съ каждого пуда мѣди и ртути, по четыре копѣйки съ каждого пуда свинца и цинка, по одной копѣйкѣ съ каждого пуда прочихъ металловъ, по одной четверти копѣйки съ каждого пуда чугуна, каменного угля и нефти и по десять копѣекъ съ каждого дерева. Выборъ того или иного способа вознагражденія предоставляется усмотрѣнію Правительства Илійскаго края. Независимо отъ сего одна четверть процента съ чистаго дохода отъ предпріятій отчисляется ежегодно въ распоряженіе Правительства Илійскаго края на благотворительныя и учебныя учрежденія. 9) Китайское Правительство имѣетъ право производить осмотръ торговыхъ книгъ всего дѣлопроизводства предпріятій договаривающейся стороны во всякое время черезъ особо на то командированное лицо, но не чаще двухъ разъ въ годъ. 10) При большихъ заводахъ договаривающаяся сторона открываетъ школы для практическаго обученія горнозаводскому дѣлу китайскихъ подданныхъ: обученіе въ школахъ производится бесплатно. 11) Правительство Илійскаго края можетъ со дня подписанія настоящаго договора заключить у Сироткина заемъ изъ шести процентовъ годовыхъ на сумму, ему потребную, въ предѣлахъ срока сего договора и при условіи обезпеченія займа по особому на то всякій разъ соглашенію съ Сироткинымъ. 12) Правительство Илійскаго края по истеченіи аренднаго срока, буде не пожелаетъ продлить таковой на новый срокъ на тѣхъ же условіяхъ, имѣетъ право выкупить всѣ предпріятія договаривающейся стороны по дѣйствительной ихъ стоимости, опредѣляемой согласно рѣшенія особо на то назначенныхъ Россійскими и Китайскими властями экспертовъ, если на то состоится соглашенія между договаривающимися сторонами. До выкупа всѣ предпріятія продолжаютъ дѣйствовать по силѣ настоящаго договора. 13) Во всѣхъ предпріятіяхъ допускаются какъ Китайскіе, такъ и Русскіе рабочіе и служащіе. 14) По настоящему договору всѣ предпріятія освобождаются отъ всякаго рода налоговъ и пошлинъ. 15) Порядокъ веденія всѣхъ предпріятій подчиняется общимъ на то установленнымъ правиламъ и узаконеніямъ. 16) Въ случаѣ смерти Дмитрія Васильевича Сироткина или Валіахуна Юлдашева всѣ права и обязанности, изъ сего договора истекающія, переходятъ на ихъ законныхъ наслѣдниковъ. 17) Сироткину и Юлдашеву предоставляется право, буде пожелаютъ, образовать акціонерную компанію для успѣха предпріятій, при чемъ Правительство Илійскаго края имѣетъ право при учрежденіи акціонерной компаніи приобрести покупкой по номинальной стоимости одну четвертую часть всѣхъ акцій, а равно Сироткину и Юлдашеву предоставляется право переуступить свои права по настоящему договору учреждаемому нынѣ Дмитріемъ Васильевичемъ Сироткинымъ Товариществу на вѣрѣ подъ фирмою „Дмитрій Васильевичъ Сироткинъ и Ко“, въ коемъ онъ, Сироткинъ, является учредителемъ и полнымъ товарищемъ. 18) Договаривающіяся стороны обязуются соблюдать настоящий договоръ нерушимо согласно всего въ немъ изложеннаго на началахъ дружескаго содѣйствія къ наибольшей выгодѣ обѣихъ сторонъ. 19) Подлинный договоръ, надлежаще засвидѣтельствованный, хранится у Сироткина.

Давъ принципиально свое согласіе, мѣстныя китайскія власти запросили по телеграфу пекинское правительство—можно ли заключить съ Сироткинымъ такой договоръ.

Изъ Пекина получился вполне удовлетворительный для Сироткина отвѣтъ.

Но здѣсь уже мѣстныя китайскія власти хватились: „а не продешевили ли мы“.

Хватились и предложили новыя условія.

1) Сдавая всѣ горныя богатства Илійскаго края для разработки Сироткину и К-о, китайское правительство оставляетъ за собою право принять участіе въ 50%, дѣла самому или передать это право своимъ подданнымъ.

2) Китайское правительство, приступая вмѣстѣ съ Сироткинымъ къ разработкѣ горныхъ богатствъ края, принимаетъ на себя расходы по предпріятію не свыше 50%, за что изъ прибылей получаетъ соотвѣтствующій внесенному капиталу %.

Сироткинъ и К-о должны выдать китайскому правительству для нуждъ края пять милліоновъ рублей изъ 5% годовыхъ срокомъ на сорокъ лѣтъ (срокъ концессіи).

Остальные пункты оставлены въ первоначальной редакціи.

Эти условія были сообщены Сироткину, который, однако, отвѣтилъ, что согласенъ взять дѣло только на первоначально предложенныхъ условіяхъ.

Отвѣтъ этотъ былъ переданъ китайцамъ и дѣло на время затихло.

Но, какъ мы слышали, дѣло налаживается все-таки на условіяхъ, предлагаемыхъ Сироткинымъ.

Китайцамъ крайне нужны деньги, а два милліона рублей, предлагаемыхъ имъ Сироткинымъ, для Илійскаго края въ данное время громадныя капиталы.

Если договоръ будетъ скоро подписанъ, то съ будущей весны, быть можетъ, уже начнутся въ горахъ работы.

Сироткинымъ для р. Или заказано уже семь пароходовъ; грузоподъемность cadaго изъ нихъ будетъ равна ста двадцати пяти пассажирамъ и баржѣ съ двадцатью пятью тысячами клади.

Можно надѣяться, что съ весны 1914 г. по р. Или пойдутъ уже сироткинскіе пароходы.

Любовь китайцевъ къ торговлѣ рѣзко выражается въ устройствѣ городовъ. Всѣ города, которые приходится проѣзжать по дорогѣ отъ границы до Кульджи, и большая часть послѣдней, сплошь состоятъ изъ однѣхъ торговыхъ лавокъ; жилыхъ строеній, какъ въ русскихъ городахъ, не видно, онѣ спрятаны сзади лавокъ, внутри кварталовъ. Только въ Кульджѣ глазъ отдыхаетъ на зданіяхъ Русско-Азіатскаго Банка и въ консульскомъ кварталѣ. Даже внутри крѣпостей, гдѣ ожидаешь встрѣтить на первомъ планѣ казармы и другія постройки для военныхъ надобностей, торговые лавки все закрываютъ.

Между тѣмъ торговля въ краѣ, вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ въ крайне угнетенномъ положеніи. Подвоза иностранныхъ—нѣмецкихъ и англійскихъ—товаровъ, а также китайскихъ изъ Тянь-тзиня, благодаря неоднократнымъ ограбленіямъ каравановъ шайками монголовъ, давно уже не было; въ настоящее время вся торговля основана на русскихъ товарахъ; но высокая стоимость въ провозѣ ихъ до Кульджи изъ Россіи и паденіе курса тѣзъ, дѣлаетъ ихъ не для всѣхъ доступными. Несмотря на все это, наша торговля съ Илійскимъ краемъ въ 1912 году выразилась въ большихъ цифрахъ противъ 1911 г. По свѣдѣніямъ Джаркентской таможни ввозъ русскихъ товаровъ равнялся суммѣ въ 2.217.000 р.; вывозъ 2.926.000 р. Транзитомъ прошло на 415.000 р., въ томъ числѣ китайскаго чая на 198.158 р. Кредитныхъ билетовъ ввезено изъ Джаркента на 517.000 р., золота въ слиткахъ на 165.000 р. Общій годовой оборотъ за 1912 г. составилъ 5.568.700 рублей.

Вывозъ скота возросъ на 350.000 р. и главнымъ образомъ вслѣдствіе отказа русскихъ торговцевъ получать долги съ кочевниковъ тѣзами и требованій расчета натурою.

Вообще русская торговля въ Илійскомъ краѣ, какъ удостовѣряетъ и нашъ Кульджинскій Консулъ въ своемъ отчетѣ, находится на прочномъ пути и имѣетъ всѣ данныя для дальнѣйшаго своего развитія.

Естественныя богатства края положительно не поддаются учету. Вездѣ чудная, плодородная лессовая почва, обиліе воды для орошенія; богатѣйшія пастбища въ горахъ и обиліе сѣнокосовъ въ долинахъ; масса полезныхъ ископаемыхъ, при чемъ залеганіе каменнаго угля, въ виду обнаруженія новыхъ его выходовъ, должно занимать гораздо большую площадь, чѣмъ она опредѣлена была въ 1875 г. покойнымъ профессоромъ И. В. Мушкетовымъ; въ горахъ почти нетронутые еще строевые лѣса и, наконецъ, многоводная рѣка Или, по которой, если и сомнительна пока возможность судоходства, то вполне доказана возможность сплава на плоткахъ, даже въ такое время года, когда всѣ притоки р. Или какъ въ нашихъ предѣлахъ, такъ и въ предѣлахъ Илійскаго края, разбираются для орошенія полей и питаютъ своими водами главную артерію бассейна не могутъ.

Все это ждетъ примѣненія капитала и труда, но если въ краѣ и найдутся первые, то рабочихъ рукъ тутъ совершенно нѣтъ. Даже богатые около Кульджи каменно-угольные копи не могутъ разрабатываться круглый годъ по недостатку рабочихъ. Только зимою, когда холодъ сгоняетъ празднующихся пролетаріевъ въ теплую глубину шахтъ, въ копанияхъ начинается жизнь, но и въ это время владѣльцы ихъ не всегда видятъ барыши, такъ какъ послѣ первыхъ выдачъ заработной платы въ шахтахъ начинаются тѣ же оргіи, которыя лѣтомъ вполне доступны для рабочихъ въ игорныхъ и другихъ „секретныхъ“ домахъ городовъ Кульджи, Суйдуна и другихъ.

Мѣстные, предприимчивые, съ капиталами, люди чувствуютъ себя безпомощными изъ за недостатка рабочихъ рукъ,—что отлично понимаютъ и новыя власти въ Кульджѣ. Послѣднія, напримѣръ, охотно соглашаются на организацію въ краѣ русскихъ предприятий, но, чувствуя неопредѣленность своего положенія и опасаясь могущей быть отвѣтственности предъ Пекинскимъ Правительствомъ, ставятъ лишь условіемъ, чтобы предприятия эти официально заявлялись на имя китайскихъ подданныхъ. Такъ, напримѣръ, весною нынѣшняго года нѣкоторые русскіе торговцы, въ компаніи съ вѣрненскими, рѣшили было построить въ Кульджѣ винокуренный

заводъ: китайскія власти разрѣшили при условіи, что заводъ будетъ построенъ на имя одного изъ компаніоновъ китайскаго подданнаго. Предпріятіе это неосуществилось только вслѣдствіе протеста Консула, опасавшагося, что постройка винокуреннаго завода въ Кульджѣ можетъ невыгодно повліять на нравственность состоящаго при консульствѣ нашего военного отряда. Спиртные напитки въ Кульджинскомъ краѣ, какъ и другіе товары, никакими пошлинами въ пользу казны не облагаются.

Русскіе подданные—мусульмане устраиваютъ свои предпріятія въ Кульджинскомъ краѣ болѣе легкимъ путемъ, избѣгая всякихъ разрѣшеній. Пользуясь тѣмъ, что по законамъ китайскимъ женщина имѣетъ право имѣть свою собственность, они женятся на китаянкахъ и ведутъ дѣло отъ имени своихъ женъ.

Таранчи и сибинцы, безспорно, хорошіе земледѣльцы, но они незнакомы съ усовершенствованными приемами земледѣлія и для нихъ, въ силу свойственной имъ небрежности и лѣни, трудно будетъ усвоить приемы обращенія съ сельскохозяйственными машинами и орудіями, несомнѣнную пользу которыхъ поняли болѣе предприимчивые изъ китайскихъ подданныхъ, побывавшихъ въ Европейской Россіи. Когда, осматривая косилки Мусабаева, я высказалъ сожалѣніе, что мѣстные рабочіе не научились съ ними обращаться, то до вѣреннѣй Мусабаева, жизнерадостный казанскій татаринъ замѣтилъ, что дѣло это вскорѣ будетъ поправлено, такъ какъ хозяинъ разсчитываетъ получить согласіе русскаго консула на наемъ русскихъ рабочихъ.

Тоже, очевидно, предстоитъ и предпріятіямъ Д. В. Сироткина, о которыхъ говорилось выше, если, конечно, они дѣйствительно осуществляются, хотя бы и не въ полной мѣрѣ.

За послѣднее время въ Кульджинскій край стали направляться и русскіе переселенцы.

Первые изъ нихъ поселились на Текесѣ, по официальнымъ даннымъ, въ числѣ 22 домовъ, по частнымъ—болѣе 100. Право на водвореніе они получили отъ олетскаго начальника, который отвелъ имъ земли подъ пашни, разрѣшилъ рубить лѣсъ на постройку домовъ, разводить и пасти на принадле-

жащихъ ему земляхъ скотъ. За все это переселенцы обязались представлять ему десятую часть урожая пшеницы. Очевидно, что въ дѣлѣ устройства этихъ переселенцевъ не малую роль сыграли калмыки, перекочевавшіе на Текесъ изъ вѣрненскихъ горъ, а потому привыкшіе имѣть дѣло съ русскими.

Затѣмъ, на Юлдузѣ уже нѣсколько лѣтъ назадъ поселился у торгоутовъ нашъ вѣрненскій мѣщанинъ, если не ошибаюсь, по фамиліи Климовъ. Калмыки отвели ему землю, дали для разведенія скота, и Климовъ изъ бѣдняка скоро сдѣлается богачемъ.

Во время моей поѣздки въ Кульджу мнѣ довелось и обгонять и встрѣчать цѣлые обозы нашихъ переселенцевъ. Одни изъ нихъ направлялись въ сел. Таврическое, не скрывая, что предполагаютъ перебраться въ Китай на Текесъ, гдѣ, „какъ имъ писали“, разбогатѣть можно отъ скотоводства. Другіе обозы тянулись по правому берегу р. Или на Кульджу „искать Кунгеса, гдѣ китайцы копаютъ золото“. Замѣчательно, что одна изъ переселенческихъ партій, прибывшая въ Кульджу 17 іюля въ числѣ 38 бричекъ, прошла отъ Смирновки по берегу Или и, никѣмъ не задержанная, благополучно добралась до Кульджи.

Въ разговорѣ съ нашимъ Консуломъ въ Кульджѣ о нашихъ переселенцахъ онъ сообщилъ мнѣ, что уговорилъ китайскія власти въ Куре разрѣшить поселившимся на Текесѣ переселенцамъ собрать нынѣшній урожай, но весною 1914 г. они будутъ выдворены. Не думаю, чтобы это могло осуществиться безъ содѣйствія нашей военной силы; китайскія же власти, при тѣхъ натянутыхъ отношеніяхъ, которыя установились у нихъ съ олетами, сдѣлать этого не смогутъ.

Прошенія переселенцевъ, прибывшихъ въ Кульджу 17 іюля, поданныя Консулу объ отводѣ земли, конечно остались безъ удовлетворенія какъ неосновательныя. Они должны были тронуться въ обратный путь, но куда они направились—мнѣ неизвѣстно. Все же глубоко убѣжденъ, что если нашихъ переселенцевъ примутъ подъ свое покровительство такія крупныя, по общественному положенію, личности какъ китайско-подданный кашгарскій сартъ Мусабаевъ или русско-подданный,

нашъ торговый аксакаль въ гор. Кульджѣ Нурахунъ, то переселенцы водворятся тамъ сперва рабочими, а впоследствии и хозяевами. При той нуждѣ въ деньгахъ, которую теперь испытываетъ „правительство“ въ Куре, сдѣлать это будетъ не трудно. Поэтому, нашему Консулу волей неволей придется заняться переселенческимъ дѣломъ въ Илійскомъ краѣ. Если переговоры г.г. Сироткина и Скрепинскаго о концессіи на эксплуатацію естественныхъ богатствъ Кульджинскаго края увѣнчаются успѣхомъ, то остановить переселеніе будетъ невозможно. Населяющія край народности, какъ видно изъ вышесказаннаго о нихъ, слишкомъ слабы и слишкомъ разрознены по своимъ интересамъ, чтобы могли дать отпоръ.

С. Велецкій.

Урянхайскій край въ освѣщеніи англичанина-путешественника.

Невысокій, но трудно проходимый Саянскій хребетъ отдѣляетъ отъ Минусинской долины рѣдко до настоящаго времени упоминавшійся даже въ учебникахъ географіи „Урянхайскій край“. Край этотъ, расположенный по верховьямъ могучей р. Енисея, населенъ немногочисленнымъ инородческимъ племенемъ, ведущимъ первобытный образъ жизни, — Урянхайцами, или какъ ихъ зовутъ еще русскіе — Сойотами.

Все, что до сихъ поръ писалось объ Урянхаѣ, принадлежитъ исключительно перу русскихъ изслѣдователей натуралистовъ, этнографовъ, археологовъ и историковъ. Географическая карта Урянхая составлена тоже русскими землемѣрами. Не проявляли большого интереса къ этому любопытному во всѣхъ отношеніяхъ краю, пока, какъ это ни странно, только западно-европейцы, и изъ нихъ даже англичане, эти всесвѣтные путешественники. Кромѣ художника Аткинсона Элліаса, Энгезбанда и нѣкоторыхъ другихъ туристовъ, впрочемъ главнымъ образомъ путешествовавшихъ по Монголіи и только случайно переваливавшихъ негостепріимный Танну-Ольскій хребетъ, отдѣляющій Урянхайскій край отъ Монголіи, никакихъ другихъ именъ иноземцевъ въ перечнѣ путешествовавшихъ по Урянхаю лицъ — не встрѣчается. Въ самое недавнее время, по свидѣтельству инженера Родевича, производившаго въ Урянхайскомъ краѣ по порученію русскаго правительства дорожныя изысканія въ верховьяхъ Енисея, край былъ посѣщенъ какимъ то англичаниномъ, (имени котораго Родевичъ не приводитъ), единственно съ цѣлью отысканія центральной точки Азіатскаго материка, ко-